

КРЫМСКОЕ МИТРОПОЛИТАНСКОЕ ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

31 марта 1925 года в Симферополе состоялся съезд духовенства и мирян Таврического Епархиального управления (ТЕУ), являвшегося высшим законодательным и исполнительным органом православных церквей обновленческого движения, действовавших в Крыму. На съезде были рассмотрены вопросы о присоединении Крымско-Таврической епархии к юрисдикции Всеукраинского Священного Синода, об избрании делегатов на предстоящий Поместный церковный Собор, а также был рассмотрен вопрос о структуре, штатах и личном составе Таврического Епархиального управления.¹

При рассмотрении вопроса, посвященного положению Таврического Епархиального управления, было внесено предложение об изменении его статуса, связанного с преобразованием Епархиального управления в Крымскую Автономную Церковную Митрополию. Присутствовавший на съезде, а затем и на Пленуме ТЕУ представитель обновленческого Священного Синода протопресвитер Павел Красотин поддержал это предложение.

Создание в Крыму самостоятельной обновленческой Митрополии было достаточно серьезным и ответственным шагом со стороны Таврического Епархиального управления. Создание Митрополии приводило к значительному качественному укреплению положения движения “обновления” на полуострове. Предполагалось, что в рамках Крымской Митрополии, по должности возглавляемой митрополитом, должны были действовать две или три епархии, управляемых епископами или архиепископами. Став “автономией”, Крымская обновленческая Митрополия должна была пользоваться значительно более широкими правами при решении многих вопросов, в сравнении с Епархиальным управлением. И самое главное, получив статус Митрополии, обновленческое движение Крыма получало формальные преимущества в напряженном противостоянии с представителями “староцерковного” движения.

Вопрос о создании Крымской Митрополии получил поддержку в Священном Синоде, который своими Указами от № 1695 и № 2594 от 15 и 29 апреля 1925 года поддержал идею укрепления статуса крымского обновленческого движения.

Окончательно вопрос о создании Крымского Митрополитанского Церковного Управления (КМЦУ) должен принять первый Митрополитанский Собор духовенства и мирян Крыма.

Однако, удовлетворив претензии крымского духовенства на создание самостоятельного автономного Митрополитанского управления, Священный Синод породил раскол в отношениях с одним из своих регионов. Амбиции крымских иерархов оказались настолько велики, что очень часто стороны не могли прийти к единому мнению, в результате чего мог возникать конфликт, принимавший затяжной и изнурительный для обеих сторон характер. Предоставив Митрополии права автономии, властные лидеры Священного Синода теряли рычаги воздействия при решении кадровых вопросов на территории Крыма. Любые кадровые изменения на территории полуострова, не согласованные с руководством Митрополии, получали достаточно жесткий отпор со стороны крымского духовенства.

Получив поддержку в Москве, руководство вновь созданного Крымского Митрополитанского Церковного управления 18 ноября 1925 года обратилось в Центральное Административное управление Крыма с заявлением о проведении 10 и 11 декабря в городе Симферополе первого Митрополитанского церковного собора, на котором предстояло обсудить ряд организационных вопросов, связанных с созданием КМЦУ. Однако по настоянию ГПУ собор был перенесен на 22 декабря.²

Во всех “обновленческих” благочиниях Крыма прошли съезды духовенства и мирян. 8 декабря 1925 года такое собрание состоялось в Симферопольском округе. На собрании было принято решение о поддержке предложения, связанного с созданием Митрополии. Участники собрания рекомендовали начать издание Митрополитанского журнала “Вестник церковной жизни Тавриды”.³

4 ноября 1925 года в Севастополе состоялось собрание духовенства и мирян, на котором присутствовали Севастопольский архиепископ Павел, а также представители от следующих приходов: церкви Петра и Павла – протоиерей В. Бренев и миряне В.В. Швейнгольц и А.К. Потуренко; от кладбищенской Всехсвятской церкви – протоиерей В. Смирнов и С. Матвеев, дьякон Г. Плахотников, миряне – С.Л. Быков, И.Г. Копылов и Д.С. Волченко; от Михайловской церкви – протоиерей М. Попетто и миряне – И.И. Мульд, Е.И. Дьяченко, Н.Д. Долгонская; от Вознесенской церкви – протоиерей Е. Ковальский, псаломщик М.Е. Марченко и верующие – В.А. Питцела и Ф. А. Матвеева.⁴

На собрании было принято решение о создании вместо действовавшего с 1922 года на территории Севастополя Южно-Крымского Окружного церковного управления обновленческой церкви Севастопольского Епархиального управления обновленческих церквей.⁵

Собрание избрало Совет благочиния, который был назван Временным Епархиальным управлением. В состав СВЕУ вошли: председатель – архиепископ Павел; протоиереи В. Булей, Е. Ковальский, С. Матвеев и М. Попетто, а также миряне Н.К. Дьяков, В.А. Питцел и С.Л. Быков.⁶

6 ноября 1925 года состоялось первое заседание вновь созданного Епархиального управления. На заседании председателем был избран его руководящий состав: председателем – архиепископ Павел; секретарем - протоиерей Василий Бренев; казначеем - Н.К. Дьяков. Было принято решение, что заседания Епархиального управления будут проходить по средам, в помещении церкви Петра и Павла.

СВЕУ направило в Севастопольский горисполком ходатайство о регистрации нового объединения. Севастопольский горисполком был вынужден сделать запрос по поводу его регистрации в Центральном Административном Управлении Крыма. ЦАУ запретило Севгорисполкому регистрировать Севастопольское Временное Епархиальное управление.⁷

Накануне проведения собора был решен вопрос об избрании нового главы Крымского Митрополитанского управления. На его должность Священным Синодом был рекомендован митрополит Алексей (Замараев). Архиепископ Александр (Раевский) был переведен в другую епархию.

На собор были приглашены представители от Севастопольского Епархиального управления во главе с ар-

хиепископом Павлом. Делегацию Евпатории возглавил бывший ректор Таврической духовной семинарии Василий Васильевич Знаменский – архиепископ Василий. На соборе присутствовало по 2 делегата от духовенства и мирян Симферопольского, Севастопольского, Феодосийского, Джанкойского и Ялтинского районов, по одному – от Керченского и Бахчисарайского районов.⁸

Работа собора проходила в Симферополе, в кафедральном соборе Александра Невского с 22 по 25 декабря 1925 года. Основным итогом деятельности его участников было создание Крымской Митрополии, состоящей из трех епархий: Симферопольской, Севастопольской и Керчь-Феодосийской.

В состав Симферопольской епархии, подчинявшейся непосредственно правящему митрополиту, входили Симферопольский, Карасубазарский и Евпаторийский районы. Севастопольская и Керчь – Феодосийская епархии должны были возглавляться архиепископами. В юрисдикцию архиепископа Севастопольского включались Севастопольский, Бахчисарайский и Ялтинский районы.

Архиепископ Керчь-Феодосийской епархии должен был руководить приходами, расположенными в Керченском, Феодосийском и Джанкойском районах.

По решению собора Крымская Митрополия объявлялась автономной в рамках обновленческого течения Российской православной церкви.

Однако создание Митрополитанского управления не оправдало надежд обновленческого руководства Крыма на усиление своих позиций на полуострове, наоборот, начался процесс обострения отношений с рядом регионов. Категорически отказались подчиняться Митрополитанскому управлению верующие и священники Керченского, Феодосийского и Ялтинского районов. Попытки митрополита Алексея создать на территории Керченского и Феодосийского районов полноценную епархию потерпели крах. Архиепископ Василий (Знаменский), которому было поручено создание на этой территории самостоятельной епархии, с этой задачей не справился и отказался от должности епархиального священника.

С первых же дней создания Крымского Митрополитанского управления Священный Синод, без согласования с руководством КМЦУ, начал активную замену кадров епископов на территории Крыма. В это время в обновленчестве продолжалась вакханалия рукоположения во епископы, они десятками “выпекались” руководством церкви из среды “белого” духовенства. Священники, приближенные к руководству церкви, в течение нескольких месяцев могли пройти путь от протоиерея до митрополита. Столь легковесное отношение к посвящению в епископский сан было связано с тем, что сами его лидеры, в первую очередь А. Введенский, И. Кречетович и другие, прошли этот путь в течение нескольких лет. В “обновлении” возникала проблема переизбытка кадров епископов. Наиболее приближенных к себе епископов руководство церкви пыталось устроить на самые доходные кафедры. Однако значительная часть епископов вынуждена была занимать должности настоятелей храмов. В кадровой политике Священного Синода обновленческой церкви был такой круговорот имен и фамилий, за которым было очень трудно уследить. Иногда, проработав всего лишь несколько недель на одной кафедре, епископ переводился в другое место.

Сразу же после организации в Крыму Митрополитанского управления с подобным подходом Священного Синода столкнулось и руководство крымского обновленческого движения. На Севастопольскую кафедру, без согласования с Митрополитом Алексием, вместо архиепископа Павла был переведен архиепископ Тверской Игнатий, который попытался проводить независимую от Крымского митрополита политику. Без согласования с митрополитом, не имея разрешения от органов власти, архиепископ Игнатий провел в Севастополе крестный ход, который был ранее запрещен властями города.

23 июня 1926 года КМЦУ обратилось с просьбой к властям г. Севастополя о проведении 15 июля, в день крещения князя Владимира, крестного хода от Архангело-Михайловской церкви города к Херсонесскому монастырю, принадлежащему Главнауке.

КМЦУ настаивало на открытии в этот день Нижнего и Верхнего храмов и проведении в них богослужений 27 и 28 июля (по старому стилю 14 и 15 июля), а также - на предоставлении им в распоряжение нетленных мощей князя Владимира.⁹

Организация в эти годы на территории Крыма крестных ходов представителями всех конфессий было делом обыденным. Местные власти достаточно охотно выдавали верующим разрешения на их проведение. Так, в 1924 – 1925 годах в Керчи представителями ряда конфессий было проведено 34 крестных хода, из них: 32 православными верующими, 1 - баптистами и 1 – иудеями. Цель этих обрядовых действий была следующей: 9 были посвящены освящению полей; 13 – освящению колодцев; 5 – молитвам на берегу и т.д.¹⁰

В Карасубазаре в 1924 году состоялось 22, а в 1925 году – 26 крестных ходов, посвященных освящению полей.

В Симферополе в эти годы было совершено 53 крестных хода, в Джанкое – 33, в Феодосии – 10 крестных ходов.

В Севастополе в 1925 году было совершено 6 крестных ходов.¹¹

Однако крестный ход в Херсонес был запрещен ЦАУ по указанию ОГПУ, которое считало, что предоставление верующим храмов бывшего монастыря, с таким трудом закрытых органами власти, может спровоцировать новую волну требований со стороны верующих по их возвращению церкви. Несмотря на эти запреты, архиепископ Игнатий провел крестный ход, усугубив и без того сложное положение митрополита Алексея.

6 октября 1926 года состоялся Пленум КМЦУ, на котором поведение архиепископа получило крайне негативную оценку. Пленум потребовал от Священного Синода отменить свое решение о переводе архиепископа Игнатия в Севастополь.¹²

Независимое поведение митрополита Алексея, жестко отстаивавшего перед Священным Синодом свои взгляды по проблемам развития Крымской Митрополии, значительно обострило его отношение с руководством церкви. В октябре 1926 года Святейший Синод принимает решение о переводе митрополита Алексея (Замараева) на кафедру Тверской епархии, а несколько позже - на одну из кафедр Свердловской или Уральской митрополии.

Митрополит отказался выполнить это требование, в этом его поддержало духовенство Крыма и руководя-

ший состав КМЦУ. Устранение Алексея с кафедры требовалось некоторым лидерам Священного Синода еще и для того, чтобы перевести в Крым Астраханского архиепископа Анатолия, с возведением его в сан митрополита.

Между КМЦУ и Священным Синодом стал разгораться конфликт. 28 октября 1926 г. в Симферополе в помещении Митрополитанской церкви (бывшая Архиерейская, ул. Р. Люксембург) состоялось Чрезвычайное заседание Президиума КМЦУ, на котором было принято решение об отказе КМЦУ Священному Синоду в переводе на другую кафедру митрополита Алексея.

В протоколе Чрезвычайного заседания зафиксированы выступления всех его участников. Большинство речей было посвящено влиянию обновленческого движения на православных верующих и роли в этом движении лидеров “обновления”. В одном из выступлений говорится о том, что обновленческая церковь, “зародившаяся в трудные времена диктатуры бывших уполномоченных, и вышедшая из этой диктатуры к свободной деятельности... вынуждена бороться с аномалиями церковной жизни, как следствием неудачной, а в некоторых случаях и преступной деятельности первых пионеров обновленчества в Крыму, о которых еще и теперь верующие вспоминают с негодованием”.¹³

В данном случае речь шла о деятельности в Крыму в 1922 году, во время суда над архиепископом Никодимом, лидером “Живой церкви” Красницкого и симферопольского священника Эндеки.

В выступлениях участников президиума звучали слова о том, что в Крыму доверие к движению обновления подорвано. На заседании отмечалось: “Еще два года назад синодальные храмы пустовали, синодальное духовенство игнорировалось и третировалось. Как отрывка недоверия к обновленчеству еще и теперь имеют место требования: 1). Дать епископа старого рукоположения (Севастополь); 2). Отделиться от Священного Синода и “автокефализоваться”.¹⁴

Очень жестко участники заседания высказались в адрес Священного Синода: “Только лишь потому, что МЦУ имеет связь со Священным Синодом, оно выдерживает бичевание от верующих”. Особенно негативно, по мнению участников заседания, к Священному Синоду относится интеллигенция.

В этой ситуации Президиум КМЦУ счел совершенно некорректными действия Священного Синода по перемещению митрополита Алексея, отстаивавшего в Крыму линию самого же Синода, на другую кафедру. Президиум принял постановление, в котором Священному Синоду было отказано в перемещении митрополита. Это решение президиум счел необходимым обсудить на очередном Митрополитанском соборе, который было намечено провести 23 – 24 ноября 1926 года.

На состоявшемся соборе это решение президиума было единогласно утверждено. Сам собор, на котором присутствовали 2 епископа, 18 священников и 17 мирян, прошел под знаком борьбы с сектантством и “тихоновщиной”. На соборе был избран новый состав Крымского Митрополитанского Церковного управления. Его председателем на новый срок был избран митрополит Алексей Замараев. Членами Совета вновь были избраны: Д. Радковский, Н.П. Попов, К.П. Матушевский, А.П. Камбурлей и Н. М. Никольский. Состав Совета практически не изменился.

На соборе произошел неприятный для крымских органов власти инцидент. 23 ноября, на вечернем заседании, было зачитано приветствие собору от имени КрымЦИК, подписанное В. Ибраимовым, в котором он передавал “горячий пролетарский привет” его участникам, желая, чтобы работа собора принесла пользу населению Крымской республики. Приветствие, зачитанное священником Федоровым, вызвало активную реакцию зала и явилось предметом отдельного разбирательства со стороны руководителя стола религиозных культов Административного отдела ЦАУ Б. Тавровского, присутствовавшего на съезде.

Сразу же после завершения работы собора священник Федоров был вызван в ЦАУ и обвинен в отклонении от текста приветствия Вели Ибраимова.

9 декабря 1926 года состоялось заседание Митрополитанского Церковного управления, на котором, по требованию ЦАУ, как якобы искаженный священником Федоровым, текст приветствия был изъят из протокола заседаний собора.¹⁵

На этом же заседании был рассмотрен вопрос о деятельности архиепископа Василия (Знаменского), который отказался выполнять обязанности епархиального священника Керчь – Феодосийской епархии и всю свою деятельность ограничил организацией службы в Евпаторийском соборе, за что получал вознаграждение в сумме 25 рублей в месяц. Члены совета осудили поведение архиепископа.

В декабре 1926 года от управления Ялтинской Всехсвятской общиной отказался архиепископ Павел (Масленников), которого КМЦУ было вынуждено направить в Ялту, после назначения Синодом в Севастополь епископа Игнатия. Павел был переведен викарием Глазовской кафедры Вятской епархии. Вместо него настоятелем храма был избран протоиерей Владимир Попов. Таким образом, мы видим, что заявление, направленное членами КМЦУ в адрес Синода, сыграло свою роль в отстаивании интересов Митрополии. Обстановка в Крыму для движения обновления с каждым днем усложнялась. Об это свидетельствует отказ епископов от руководства не только епархиями, но и приходами, расположенными на полуострове.

В январе 1927 года вновь обострился конфликт между Синодом и КМЦУ. Это было связано с тем, что Синод вновь, без согласования с управлением, вместо Игнатия назначил на Севастопольскую кафедру Ростовского архиепископа Модеста, с правом управления приходами Евпатории, а в Ялту был назначен Витебский епископ Александр.

31 января 1927 года в Покровском соборе г. Севастополя состоялся съезд духовенства и мирян, на котором был избран новый состав Севастопольского Епархиального управления во главе с архиепископом Модестом.¹⁶

Переподчинение архиепископу Модесту приходов Евпатории противоречило территориальному делению Крымской Митрополии. Евпатория входила в состав Симферопольской митрополичьей кафедры. Ее переподчинение Севастопольской епархии вызвало негативную оценку не только со стороны верующих и священников Евпатории, но и со стороны всего обновленческого духовенства Крыма. На состоявшемся 24 января 1927 года заседании КМЦУ постановление Синода было отменено.

Руководство Митрополии крайне негативно отнеслось и к назначению настоятелем единственного обновленческого прихода г. Ялты женатого епископа Александра. Епископ, имевший семью, был крайне негативно

принят в городе. Его назначение могло привести к уходу общины единственного обновленческого храма Ялты под юрисдикцию “староцерковников”. КМЦУ настоятельно рекомендовало Синоду впредь без согласования с митрополитом не присылать в Крым женатых епископов. Руководство Митрополии напомнило Синоду, что, в связи с принципом автономии КМЦУ, его глава находится на этой должности пожизненно, без права его перемещения Синодом.

В связи с отсутствием епископа на Керчь-Феодосийской кафедре было принято решение о ее совместном соуправлении со стороны митрополита Алексия и архиепископа Модеста.

1 апреля 1927 года в своем указе № 1295 Синод подтвердил право автономии КМЦУ, однако считал неприемлемой точку зрения о пожизненном пребывании на этой кафедре правящего епископа и возможности уклонения в Митрополии от выполнения распоряжений Синода.

Кризис в обновленческом движении Крыма продолжал углубляться. Показателем этого стал переход некоторых священников к “староцерковникам”, а также пренебрежительное отношение некоторых священников к своим обязанностям.

Первые ростки кризиса Крымского обновленчества стали проявляться еще в 1923 году, когда после освобождения из-под ареста Патриарха Тихона о своем переходе из “обновления” к “староцерковникам” объявила община Владимирского собора бывшего Херсонесского монастыря.¹⁷

В апреле 1925 года решение о переходе под юрисдикцию “староцерковников” приняла община верующих Софиевского храма Покровского собора г. Севастополя.¹⁸

В феврале 1926 года среди верующих Владимиро-Никольского собора г. Севастополя начался сбор подписей под заявлением, требовавшим от настоятеля храма, председателя приходского совета протоиерея Мельникова перехода из “обновленческого” движения в “староцерковное”.

В заявлении, составленном просфорней храма Е. Костиковой, отмечалось, что после прекращения поминовения Патриарха Тихона в Никольском соборе резко сократилось количество прихожан, которые стали посещать Больничную и Митрофаньевскую церкви. В заявлении отмечалось, что представители “староцерковного” движения г. Севастополя прозвали сторонников “обновленческой” церкви “еретиками-живистами”, и это отвернуло часть верующих от храма.

Протоиерей Мельников отказался признавать эти требования членов приходского совета и сообщил об этом в церковный подотдел Севастопольского горрайисполкома.¹⁹

В 1926 году в Керчи между сторонниками “обновления” и “староцерковниками” происходили постоянные конфликты, периодически доходившие до драк.²⁰

Следует отметить, что в эти же годы в Крыму раскол на “обновленцев” и сторонников Халифата происходит и в среде мусульманского духовенства. На полуострове в исламе преобладали сторонники обновленцев.²¹

В 1927 году настоятель Митрофаньевской церкви, расположенной в урочище Альма, Гавриил Шапошников стал поминать во время службы имя преемника Патриарха Тихона митрополита Петра. Протоиерей был обвинен в небрежном отношении к службе в выходные и праздничные дни и отстранен от обязанностей настоятеля и приходского священника.

25 ноября 1927 года состоялось общее собрание приходских советов Николаевского и Владимирского храмов г. Севастополя, на котором присутствовали: протоиереи А. Мельников, А. Виноградов; священник Н. Самодуров; протодиакон Е. Бутома; псаломщики С. Модин, А.И. Михайлова, С.В. Митин, А.И. Рябуха, Х.Я. Михайлова, Л.Я. Бартошевич и др. На собрании было принято единогласное решение о переходе этих приходов под юрисдикцию “староцерковного” течения. Собрание просило архиепископа Феодосийского Александра принять в молитвенное общение приходы Никольского и Владимирского соборов.²²

1 декабря 1927 года состоялось собрание “двадцатки” Александро-Невской церкви, расположенной в Севастополе, на Корабельной стороне, которое приняло решение о присоединении к “староцерковникам” во главе с митрополитом Сергием и архиепископом Феодосийским Александром, который был приглашен в Севастополь на престольный праздник Введения в храм Пресвятой Богородицы.²³

Длительное время КМЦУ вынуждено было заниматься вопросом безнравственного поведения священника Тихвино-Богородничьего храма города Джанкоя Дмитрия Чумаченко, который был обвинен в пьянстве, оскорблении верующих, драках в храме и т.д. Д. Чумаченко, являвшийся одним из самых первых священников Крыма, принявших в Крыму идеи обновления, был уволен без права службы в храмах Митрополитанского управления.²⁴

Непрерывные конфликты с Синодом, нестроения в самой Митрополии и связанное с этим нервное напряжение подорвали здоровье митрополита Алексия, 17 апреля 1927 года он скончался.

19 апреля его тело было перенесено в здание кафедрального собора. Во время крестного хода от дома митрополита, который был расположен по ул. Архивной, до собора провожали митрополита в последний путь более 1,5 тысячи человек. По разрешению ЦАУ 20 апреля 1927 года тело митрополита Алексия Замараева при стечении большого количества людей было погребено в склепе Александро-Невского кафедрального собора.

Власть в Митрополии временно перешла к архиепископу Модесту. После похорон Алексия в Митрополии, несмотря на Указ № 1295 Синода, продолжалась работа по отстаиванию идей автономии.

18 мая 1927 года на заседании КМЦУ эти вопросы вновь были рассмотрены в очередной раз. На заседании отмечалось, что “Крымская митрополия по своему территориальному положению, этнографическому составу населения Крыма, историческим условиям существования и развития здесь христианства в духе истинного православия, требуют исключительного органа церковного управления, более свободного в своих действиях”.²⁵

Для закрепления этих положений в управлении церковными делами Митрополии была создана комиссия в составе протоиереев Дмитрия Радковского и Крискента Матушевского, которым было поручено подготовить необходимые юридические документы.

Начиная с апреля 1927 года в деятельности КМЦУ появляются новые интонации. Постепенно “обновленцы” Крыма прекращают политику жесткого противостояния с набирающими силу “староцерковниками”. В апреле 1927 года на заседании КМЦУ было принято решение об обращении с призывом к прибывшему в Фе-

одосию епископу Кириллу, о прекращении вражды и церковного разделения, о поисках церковного единения, мира и согласия. Вести эти переговоры было поручено главе КМЦУ архиепископу Модесту.

Идея единения стала звучать среди руководства Митрополии и при решении вопроса о праздновании 5-летнего юбилея обновленческого движения в СССР.

18 и 20 июля 1927 года в циркулярах № 1587 и № 1635 Священный Синод рекомендовал своим епархиям и митрополиям организовать торжества по случаю 5-летнего юбилея обновленчества.

Крымское Митрополитанское управление решило придать празднованию характер церковного торжества, в ходе которого необходимо “совершить Божественные литургии и благодарственные молебны за возрастание и укрепление церковного единства между православными верующими различных ориентаций и за возрождение Святой Церкви среди мрака безбожия и расколо-сектантства современной жизни”.²⁶

Празднование планировалось провести 11 мая 1927 года, в день памяти Святых Равноапостольных Первоучителей Кирилла и Мефодия. Однако “староцерковники” отнеслись негативно к предложениям КМЦУ.

В связи со смертью митрополита Алексия встал вопрос об официальном избрании его преемника. С этой целью 21 июня 1927 года был созван съезд представителей православных церквей Крыма синодальной ориентации. На съезде присутствовало 46 представителей от духовных и религиозных обществ и 50 мирян.

Предварительно было согласовано 4 кандидатуры на должность Крымского митрополита: архиепископ Днепропетровский Андрей; митрополит Астраханский Анатолий; архиепископ Острогорский Василий и архиепископ Севастопольский и Ялтинский Модест. Синод, со своей стороны, рекомендовал кандидатуру митрополита Казанского Алексия. Синод согласился благословить на эту должность и митрополита Астраханского Анатолия.

При открытии собора архиепископ Модест снял свою кандидатуру, ссылаясь на то, что он искренне любит свою паству и не может претендовать на столь высокий пост, как должность Крымского митрополита.

На соборе было принято решение, что избрание будет происходить открыто, при поднятии зеленого удостоверения делегата.

Наибольшее количество голосов набрал архиепископ Днепропетровский Андрей, вторым был митрополит Казанский Алексей и третьим – митрополит Астраханский Анатолий. Съезд поручил КМЦУ разослать результаты голосования каждому их кандидатов. В случае отказа набравшего наибольшее количество голосов кафедру занимал следующий претендент и т.д. В случае отказа всех кандидатов собор поручил Пленуму КМЦУ подыскать кандидата, избрать его и представить на утверждение Синоду.

На соборе были избраны делегаты на предстоящий Собор Российской православной церкви. Делегатом был избран Д. Радковский, кандидатом – П. Якушевич. От мирян делегата поручалось избрать Евпаторийскому благочинному округу.

В ходе работы Крымского собора стало известно, что Днепропетровский архиепископ Андрей в ответной телеграмме сообщил, что в связи с “поредением рядов духовных пастырей на Украине и отсутствием достойных кандидатов для пополнения этих рядов” он не может дать должного ответа на просьбу участников собора.²⁷

Из всех кандидатов согласился на руководство кафедрой лишь Астраханский митрополит Анатолий (Соколов), который прибыл в Крым 4 августа. Торжественная встреча митрополита произошла 5 августа в кафедральном соборе г. Симферополя. При напутствии духовенство и миряне просили, чтобы митрополит совершил поездки по общинам Крымской митрополии. Это предложение митрополитом было принято. Был составлен график его поездок по различным регионам Крыма. Однако поездка митрополита Анатолия в Севастополь была отложена по настоянию руководства КМЦУ.

В августе 1927 года в Севастополь, по решению Синода, без согласования с руководством епархии, вместо архиепископа Модеста был назначен женатый епископ Николай (Розанов). Это вновь обострило не только отношения Москвы и Симферополя, но и взаимоотношения внутри Митрополии. Направление в Крым, в Севастополь, очередного женатого епископа вызвало негативную реакцию со стороны верующих города, в котором стали крепнуть позиции “староцерковников”. Епископ Николай ответил на негативный прием со стороны Митрополитанского руководства таким же образом. Его не смутили порицания и оскорбления. Он спокойно отнесся к тому, что Крымское Митрополитанское управление, для того чтобы погасить смуту в Покровском соборе, пошло на его переподчинение Симферополю. Обладая отличными организаторскими способностями, будучи прекрасным оратором и проповедником, он сумел не только убедить верующих в своей искренности, но и начать активную борьбу со своими обидчиками из Митрополитанского управления. Учитывая эту ситуацию, руководящий состав КМЦУ рекомендовал митрополиту воздержаться от поездки в Севастополь.

Конфликт между Митрополитанским управлением, с одной стороны, и Севастопольским епископом Николаем, с другой стороны, продолжал разрастаться. В этом споре Синод поддержал епископа Николая. 30 ноября 1927 года Покровский собор г. Севастополя Указом Синода № 5666 изымался из прямого подчинения КМЦУ и передавался Севастопольскому Епархиальному управлению в качестве кафедрального собора. Епископ Николай был возведен в сан архиепископа.²⁸

В декабре 1927 года на заседании КМЦУ в очередной раз было подчеркнуто, что Синод продолжает игнорировать все пожелания руководства Крыма, подрывая на полуострове свой авторитет и создавая сложности в работе Крымской Митрополии.

На 24 – 25 января 1928 года было запланировано проведение очередного Митрополитанского собора. Однако ГПУ рекомендовало ЦАУ перенести его работу на более поздний срок, так как в январе были запланированы аналогичные мероприятия других конфессий.

В январе 1928 года Синод направил в Крым циркуляр № 6175, в котором рекомендовал перевести богослужение в храмах на русский язык. Рассмотрев этот вопрос, руководство КМЦУ пришло к мнению, что с этим нововведением торопиться не следует, пока это решение не будет утверждено на очередном Поместном Соборе православной церкви.²⁹

21 – 22 февраля в Крыму состоялся очередной Митрополитанский собор. На нем развернулась острая дискуссия по поводу роли в церкви женатого духовенства. Руководство КМЦУ в ходе дискуссии явно помогало

сторонникам архиепископа Николая, симпатии многих священников также оказались на стороне Севастопольского архиепископа. Присутствовавший на соборе руководитель административного надзора Бабич запретил принимать по этому поводу какие-либо решения, так как это не соответствовало повестке дня. Из-за этого он также запретил проводить выборы нового состава КМЦУ. Члены собора были вынуждены просить дополнительное разрешение у руководства ЦАУ Крыма. Правление КМЦУ было избрано в прежнем составе, однако по предложению ряда священников в его состав на правах заместителя председателя был введен архиепископ Николай (Розанов).

Присутствовавший на соборе в качестве наблюдателя В. Бабич в своем отчете по итогам собора выделил следующие пункты:

- упадок авторитета церкви;
- стремление создать условия, которые бы способствовали завоеванию авторитета;
- слишком явная, по его мнению, тенденция укрепления влияния в митрополии Севастопольского архиепископа Николая, которого многие из присутствующих на соборе желали бы видеть во главе церкви;
- пассивность мирян, присутствовавших на соборе.

Бабич отметил, что “наиболее реакционным является Севастопольский архиепископ Розанов и делегация Евпатории во главе с протоиереем Янушкевичем, который настаивал на разрывании работы в условиях отделения церкви от государства”.³⁰

В 1928 году разлад в руководстве “обновленческого” движения Крыма достиг своего максимума. Он был связан с усилением влияния в жизни епархии архиепископа Николая. Его активная, наступательная политика привела к снижению авторитета правящего митрополита Анатолия (Соколова), не пользовавшегося поддержкой большей части духовенства и мирян.

Особо конфликт обострился из-за действий протоиерея Петро-Павловского собора г. Симферополя Викентия Никипорчика, который стал открыто высказывать свое недовольство деятельностью КМЦУ. Протоиерей Никипорчик отказался выполнять указания митрополита и заявил, что переходит вместе с общиной под юрисдикцию Севастопольского архиепископа.

Руководство епархии освободило протоиерея от должности настоятеля собора, однако его в это время поддержал архиепископ Николай. Архиепископ совместно с протоиереем стал проводить в Петро-Павловском соборе богослужения, на которые собиралось большое количество верующих. Более того, без согласия “двадцатки” архиепископ Николай стал проводить службы в Симферопольском кафедральном соборе.

Архиепископу удалось достать копии личного письма митрополита Анатолия, которые 19 ноября 1927 года он отправил Председателю Всеукраинского Священного Синода митрополиту Пимену. В письме Анатолий жаловался на сложности пастырского служения в Крыму и высказывался о возможном переходе на службу под юрисдикцию Украинского Синода. Эти письма были использованы архиепископом Николаем для негласной агитационной работы против митрополита Анатолия.

Письмо митрополита было направлено архиепископом в Москву, в Священный Синод. Оно стало причиной принятия Синодом жестких мер в отношении митрополита Анатолия.

28 июня 1928 года Синод принял решение об освобождении митрополита от должности руководителя КМЦУ и назначил на эту должность Белорусского митрополита Иосифа Кречетовича. Впредь до приезда Кречетовича в Крым выполнение обязанностей председателя КМЦУ было возложено на архиепископа Николая.

Данное решение Синода вызвало возмущение у руководящего состава Митрополитанского управления. 3 июля 1928 года было созвано экстренное заседание КМЦУ, на котором обсуждалось решение Синода. На заседании управления было подтверждено, что Митрополит Анатолий Соколов от службы на Крымской кафедре отказывается добровольно. Вместе с тем руководство управления критически отнеслось к назначению на должность руководителя КМЦУ женатого Митрополита Иосифа Кречетовича.

На заседании было принято решение о неподчинении назначенному Синодом временно исполняющим обязанности председателя КМЦУ архиепископу Николаю.

Члены КМЦУ затеяли активную кампанию по его удалению из Крыма. Временно, вплоть до приезда в Крым нового митрополита, выполнение обязанностей председателя КМЦУ члены Митрополитанского управления поручили протоиерею Крискенту Матушевскому.

Конфликт между архиепископом и КМЦУ приобрел новые жесткие очертания. Архиепископ Николай решил подчинить себе Симферопольский кафедральный собор. Настойчивого архиепископа в этом поддерживало духовенство собора. Однако его отказалась поддержать “двадцатка” кафедрального собора. Тогда архиепископ начал работу по созданию новой группы учредителей, для регистрации ее в органах государственной власти. Эта работа была продолжена архиепископом и после приезда в Крым нового главы епархии. Настойчивые действия Севастопольского архиепископа вынудили руководящий состав КМЦУ согласиться с назначением на должность главы Митрополии митрополита Иосифа, который, так же как и архиепископ Николай, был женат. КМЦУ на своем заседании 26 июня 1928 года рекомендовало митрополита на должность руководителя Митрополии. Окончательное решение по этому вопросу должен был принять Митрополитанский собор, который планировали провести 4 – 6 сентября 1928 года.

Митрополит Иосиф (Кречетович) прибыл в Симферополь 11 июля 1928 года, и в этот же день совершил службу в Симферопольском кафедральном соборе. В день приезда митрополита отмечался День памяти апостолов Петра и Павла. В Симферополе активно действовал собор, названный в честь апостолов, и этот день был праздничным днем этого храма. Однако митрополит был наслышан о проблемах митрополии, его служба в этот день в кафедральном соборе означала, что он не поддерживает позиции настоятеля Петро-Павловского собора и Севастопольского архиепископа Николая.

14 июля митрополит Иосиф направил в Крымские епархии достаточно большое по объему, очень корректное по содержанию и достаточно эмоциональное по форме “Послание”, написанное, в первую очередь, для участников предстоящего Митрополитанского собора. Это была своеобразная программа митрополита, обнародованная накануне заседания высшего органа власти обновленческой епархии.

В “Послании” митрополит значительную часть времени посвятил анализу первых лет христианства в Крыму. Митрополит отметил, что благодаря деятельности папы Римского Климента и первых епископов-священномучеников свет христианства распространился на славян. В начале “Послания” митрополит писал: “Неисповедимы пути промысла Божия в судьбах народов и стран. Крым в первом веке христианской эры был местом ссылки преступников Римской империи. В Римской империи такими преступниками стали христиане, и преследовали их со всей жестокостью. Крым наполнился множеством христиан. В его пределах образовалось несколько епархий. Место ссылки явилось местом прославления Творца Вселенной. Свет Христовой веры ярко сиял и в Крыму с первого же века существования христианства, когда еще вся великая впоследствии и святая Русь была погружена во тьму язычества”.³¹

В своем “Послании” митрополит обратил внимание не только на духовное, но и на природное значение Крыма, по этому поводу он писал: “Волею Божией место ссылки становится очагом света Христовой веры для всей Русской земли, а с развитием государственности Крыма, обильно политого кровью христиан-первомучеников, превращается в совершенно благодатный Крым, в здравницу всероссийского значения. И это понятно. Когда язычник Владимир принял свое крещение, то открылись не только его духовные очи, а и телесные: он получил врачевство не только для души своей, но и для тела”.³²

Анализируя в “Послании” современное состояние Крыма, митрополит отметил: “В наше время и Крым, являясь всероссийской здравницей, не избежал общей участи. Чем болеет вся Россия, тем болеет и Крым: распри, раздоры, взаимная вражда и несогласие раздрают нешвейный хитон Христов.

Когда в Крыму трудился священник Климент, православная церковь не знала здесь того, что знает она сейчас. И вот о чем нам, прежде всего, нужно подумать. Когда в апостольское время появились разногласия, то святые апостолы разрешали их путем соборным, вкуче с пресвитерами и братией (Деян. 15, 23). Вот и нам путь! Путь канонического соборно-православного устройства Церкви”.³³

В “Послании” митрополит привел письмо Вселенского Патриарха Василия III, которого митрополит называл Верховным, Вселенским судьей, полученное им 30 апреля 1928 года, когда митрополит еще являлся преемником Белорусской церкви, в котором Патриарх скорбел по поводу раскола в Российской православной церкви и желал успехов в деле ее единения.

В заключение митрополит обратился к верующим и всей церкви: “Неужели мы окажемся глухи к призыву Вселенского Патриарха, наместника святых апостолов, чрез коего мы входим в общение со святыми отцами, со святыми апостолами, а через них и с самим Пастыреначальником нашим, Господом Иисусом Христом. Чужды, да явимся мы, сей глухоте!.. Чистое апостолическое Православие, несомненным глашатаем коего и ныне является для нас священномученик Климент Римский, да возбудит в нас ревность к его охранениям в пределах Крыма и в наши дни. Православная мать наша, единая, святая, соборная и апостольская Церковь, раздраемая нашими распрями, да найдет в нас своих верных сынов, которые все и самую жизнь свою отдадут за ее единство, за мир и единение между последователями Христа...”³⁴

По настоянию митрополита в повестку дня предстоящего собора был внесен вопрос “Об организации Крымской Автономной Митрополии”. Свои предложения по организации работы Митрополии Иосиф Кречетович заранее, еще 9 августа 1928 года, изложил руководству Крыма. В докладной записке митрополит писал о том, что в Крымской Автономной республике есть Автономная Митрополия, и что это вполне согласуется с канонами церкви. Митрополит отметил, что высшим органом церкви является Московский Синод, “подобно тому, как ЦИК РСФСР является высшим органом для ЦИК Крымской АССР”. Глава Крымской Митрополии писал, что Постановлением Московского Синода от 23 июня 1925 года Таврическая епархия была возведена в достоинство Митрополии, в составе 2-х викариатств: Севастопольского и Феодосийского. По мнению митрополита, Митрополия существовала формально, лишь в названии, и этот вопрос был исправлен Московским Синодом, который назначил Хабаровского епископа Николая на Севастопольскую кафедру, не как викарного епископа, а как самостоятельного иерарха, возведя его в сан архиепископа.

Митрополит Иосиф решил использовать этот факт для устранения внутренних противоречий в Митрополитанском управлении и своеобразной нейтрализации архиепископа Николая Розанова. По его предложению в Крыму, в составе Митрополии, необходимо было иметь три епархии, как это существует в других регионах. Митрополит поставил вопрос о расширении полномочий церкви в г. Евпатории, Карасубазаре и т.д. По его мнению, в каждой из трех епархий нужно было вводить еще епископские кафедры. Он предложил обсудить этот вопрос на Митрополитанском соборе, так как Митрополия существует уже 3 года, однако как полноценная Митрополия она так еще и не была организована.³⁵

На данной записке, направленной в органы власти, были наложены две резолюции, синим и красным карандашами, подписи под которыми разобрать не удалось. Резолюция, написанная синим карандашом, гласила: “Все это сводится, в конечном счете, к насыщению Крыма высоким по сану духовенством, и, следовательно, к повышению церковного авторитета и влияния”.

Вторая, написанная красным карандашом, была тоже лаконичной: “Т. Тавровскому. Договоритесь о недопустимости к обсуждению этого вопроса. 13 августа 1928 года”.³⁶

Накануне собора, 30 августа, состоялось заседание КМЦУ, которое провел новый глава Митрополии. На нем был рассмотрен ряд циркуляров Синода. В одном из них говорилось о том, что во всех епархиях необходимо было принять у всех священников, не имеющих богословского образования, экзамены по Священному Писанию, Догматическому Богословию, по церковной истории, по канонике и литургике. Комиссия должна была учитывать не только знания испытуемого, но и его “жизнь, идеологическую настроенность и учительность”.³⁷

Для более качественной реализации данного указания Синода было принято решение об обсуждении этого вопроса на одном из ближайших собраний клира Симферопольского района. Комиссия, по решению КМЦУ, должна была состоять из кандидатов, указанных пастырскими собраниями. Возглавить комиссию поручалось митрополиту Иосифу.

На заседании также был рассмотрен циркуляр № 3184 от 4 августа 1928 года, в котором речь шла о послании Синода Патриарху Василию III с пожеланием о скорейшем выздоровлении и об ответе Патриарха в адрес

Священного Синода, где он призывал верующих и клир Российской православной церкви “к миру и единству Святой братской церкви Российской”.

Митрополитанское управление горячо поддержало эти призывы Вселенского Патриарха и решило не только опубликовать их в церковной печати, но и размножить среди верующих в виде листовок.

На заседании было рассмотрено заявление члена – секретаря КМЦУ, протоиерея Димитрия Петровича Радковского, просившего предоставить ему отпуск, который приходился на время работы Митрополитанского собора. Это был политический демарш секретаря Митрополитанского управления. В заявлении он писал, что не желает присутствовать на соборе по той причине, что его делегатами будут Севастопольский архиепископ Николай Розанов, протоиерей Никипорчик и священник Образцов, занимавшиеся в митрополии “разрушением взаимопонимания и нагнетанием смуты среди клира и мирян”.

24 августа 1928 года митрополит Иосиф наложил на заявлении протоиерея резолюцию: “Отклонить, находя необходимым участие члена – секретаря в предстоящем Митрополитанском соборе”.

Накануне Митрополитанского собора во всех благочиниях обновленческой церкви прошли съезды мирян и духовенства, на которых были рассмотрены вопросы внутренней жизни церкви и избраны делегаты на собор. Съезды, прошедшие в Симферополе, Евпатории и других городах, носили конструктивный характер. Совершенно иная картина была на епархиальном съезде в г. Севастополе. Он прошел 30 августа в духе противостояния с КМЦУ и послужил основанием для проведения 3 сентября 1928 года внеочередного предсоборного заседания КМЦУ. На заседании митрополит Иосиф сообщил о двух письмах – заявлениях, поступивших из Севастополя. Первое поступило от прихожан Покровского собора г. Севастополя. В нем указывались нарушения в проведении епархиального съезда, состоявшегося в Севастополе.

Во втором письме речь шла о том, что на съезде в Севастополе деятельности КМЦУ давалась крайне негативная оценка как в докладе архиепископа Николая, так и в выступлениях некоторых участников, что привело к принятию на съезде специального постановления, в котором выдвигались требования о выведении из состава КМЦУ целого ряда его членов. В постановлении также выдвигались требования удаления из Симферопольского кафедрального собора двух протоиереев.

Митрополит зачитал заявление общины Вознесенской церкви Северной стороны от 1 сентября 1928 года о присоединении, в знак протеста против той политики, которую проводит руководство Севастопольского епархиального управления, прихода Вознесенской церкви к Симферопольской епархии.

Митрополит предложил обсудить вопросы “сепаратизма” архиепископа Николая, пытающегося вывести Севастопольскую епархию из-под юрисдикции Митрополитанского управления.

Съезд Севастопольского Епархиального управления проходил 30 – 31 августа 1928 года в Покровском соборе. С докладом “Задачи момента в деле умиротворения жизни Православной церкви” выступил архиепископ Николай. Его доклад продолжался 4 часа. Наряду с другими докладами, с которыми выступали протоиереи СЕУ, со вторым докладом “Подготовка к Крымскому Митрополитанскому Собору и наказ Севастопольским делегатам” выступил архиепископ Николай. Этот доклад вызвал различные толкования среди участников съезда.³⁸

В первые же минуты работы съезда митрополит Иосиф зачитал заявления верующих Севастополя и поставил вопрос о недоверии архиепископу Николаю. Однако в ответном слове глава Севастопольской епархии назвал эти заявления лживыми и не имеющими под собой основания.

Митрополит прервал дискуссию по этому вопросу, приняв заявление Севастопольской делегации о ее желании работать в составе КМЦУ.

На вечернем заседании митрополит Иосиф Кречетович, при двух воздержавшихся, был избран главой Крымской Митрополии.

На утреннем заседании 5 сентября был заслушан доклад митрополита о современном положении церкви в СССР и за рубежом. В нем единственно каноническим называлось движение обновления. Вместе с тем митрополит призвал сторонников митрополита Сергия к сближению и объединению.³⁹

Несмотря на усилия ГПУ и ЦАУ по недопущению обсуждения вопроса об организации Крымской автономной митрополии, он был включен в повестку дня и рассмотрен участниками собора. По решению собора, в Митрополии учреждались 3 епархии: Таврическая (Симферопольская), Севастопольская и Керчь – Феодосийская, с самостоятельным управлением в каждой епархии, под общим окормлением Крымского Митрополитанского управления.

На соборе по этому вопросу было принято достаточно радикальное постановление. Крымская митрополия, канонически подчиняясь Священному Синоду, объявлялась автономной. Она самостоятельно, на своем соборе, избирала главу Митрополии, председателя КМЦУ и правящего епископа Таврической епархии, который носил титул Таврического и Симферопольского. Митрополит избирался на кафедру пожизненно и мог оставлять ее по суду или по собственному желанию. Таврический митрополит, в качестве главы епархии, по должности, являлся членом Пленума Священного Синода. Если представитель Крымской Митрополии не принимал участие в Пленуме, то его постановления для Крыма не являлись обязательными.

Митрополит Иосиф предложил вместо КМЦУ учредить Таврическое Епархиальное управление, которое должно было быть создано на отдельно проведенном съезде, а до этого эта работа поручалась новому составу КМЦУ и организационному комитету.

На вечернем заседании 5 сентября был рассмотрен вопрос о финансировании КМЦУ и проведены выборы КМЦУ, организационного комитета, занимавшегося подготовкой создания Таврического Епархиального управления и ревизионной комиссии.

КМЦУ было избрано в составе 4-х человек: председателя – митрополита, его заместителя и 2-х членов, по одному от мирян и клира.

Единогласно в состав КМЦУ был избран протоиерей Крискент Матушевский. От мирян был избран Н.М. Никольский.

В состав организационного комитета по созыву съезда для создания ТЕУ было избрано 5 человек. Предсе-

дателем комитета был избран митрополит Иосиф. По 2 человека было избрано от духовенства и мирян.

Председателем ревизионной комиссии был избран протоиерей И. Федоров.

На соборе было внесено предложение о материальной поддержке митрополита, об учреждении для этого специальной кружки при кафедральном соборе. Однако митрополит тактично отказался, заявив, что община сама с трудом изыскивает средства для содержания собора, уплаты налогов и оплаты труда клира.

Проведение собора позволило снять напряжение во взаимоотношениях с Севастопольским управлением, однако значительно обострило отношения митрополита Иосифа со Священным Синодом. Протокол собора, направленный в Синод, стал причиной жестких разногласий между Митрополитанским управлением Крыма и Синодом.

Митрополиту в течение короткого времени удалось завоевать авторитет и доверие среди значительной части клира и мирян. О его поддержке со стороны мирян свидетельствует тот факт, что после окончания собора прихожане Симферопольского кафедрального собора направили в адрес КМЦУ письмо следующего содержания: “Мы, христиане г. Симферополя, всепокорнейше просим Митрополитанское управление как возможно скорее озаботиться об изыскании средств на содержание дорогого нам и вселюбимейшего нами Его Высокопреосвященства, Владыки Иосифа: что же касается нас, то будь отдельная кружка на добровольные пожертвования или же ежемесячный листок на содержание дорогого нам Владыки, то мы дружно откликнемся, и ежемесячно будем вносить свою лепту на содержание того, кто мил и дорог каждому из нас”.⁴⁰

Митрополит Иосиф проявлял колоссальную активность после своего назначения на должность председателя КМЦУ. С августа по декабрь 1928 года он побывал в 7 городах Крыма, в которых посетил 14 храмов. В Симферополе он посетил 5 храмов: кафедральный собор, Спасскую, Николаевскую и Мартиниановскую церкви, Петро-Павловский собор. В Севастополе – 2 храма: Покровский собор и Вознесенскую церковь. В Евпатории – Николаевский собор. В Карасубазаре – Ильинскую и Николаевскую церкви. В Джанкое – Тихоно-Богородничью церковь, в Керчи – Покровскую, а в Феодосии – кладбищенскую и Екатерининскую в п. Сарыголь.

За это время Владыка выезжал: в Карасубазар – 5 раз; в Евпаторию – 3 раза; в Джанкой – 2 раза. В города Керчь, Феодосию и Севастополь – по одному разу. За это время он совершил 2 поездки за пределы Крыма – в Киев и Москву. Во время этих поездок он совершил службу во Владимирском соборе Киева и в храме Христа Спасителя в Москве.

Во время поездки в Москву 23 и 24 октября 1928 года Владыка принял участие в заседании Синода. Для информации и инструктирования Симферопольского духовенства им было проведено 3 пастырских собрания.

Во время поездок по городам Крыма митрополит Иосиф совершил 59 литургий, 69 акафистов, 60 всенощных бдений, 63 молебна, 12 панихид, 1 отпевание и 1 крещение.⁴¹

За это же время он прочел 154 проповеди, провел более 70 бесед с верующими, из них 52 – в Симферополе и 18 – в других городах Крыма. Значительная часть бесед была посвящена чтению и толкованию Апокалипсиса. Особое внимание в беседах митрополит уделял критике “староцерковного” движения, а также пропаганде идей “обновленчества”.

В городах с греческим населением многие беседы проводились на греческом языке, что располагало местное население к митрополиту.

Ряд бесед Иосиф посвятил вопросам жизни И. Христа, учения о спасении и другим богословским проблемам. За это же время митрополит провел 40 заседаний Митрополитанского управления, основная часть которых была посвящена подготовке к собору КМЦУ.⁴²

Столь подробный анализ деятельности митрополита Иосифа за первые 6 месяцев пребывания в Крыму позволяет сделать вывод о его необычайной работоспособности. Это сказалось на укреплении его роли в жизни митрополии. Благодаря своим ораторским способностям, Владыка оказывал огромное воздействие на аудиторию. Естественно, что усиление авторитета главы “обновления” приводило к усилению самого движения на территории полуострова, что не входило в планы партийного руководства Крымской АССР. В отношении митрополита силовыми ведомствами Крыма начали готовиться различного рода провокации. Для этого использовались провокаторы – осведомители в среде духовенства и мирян.

Двуличной оказалась и политика Севастопольского архиепископа Николая. Его заверения на соборе о согласии и мире были всего лишь декларациями. На практике он продолжал проведение самостоятельной политики и параллельной с КМЦУ деятельности.

31 августа 1928 года от имени съезда духовенства и мирян Севастополя в адрес Синода была направлена телеграмма, в которой отмечалось, что архиепископ Николай является в Крыму единственным духовным лицом, способным вывести обновленческое движение полуострова из кризиса. В телеграмме отмечалось, что он является “украшением Севастопольской епархии, ее жемчужиной, способной своим талантливым словом наставлять пасомых на путь Божественной правды”.⁴³

О сложных отношениях между Севастополем и Симферополем свидетельствует и тот факт, что 13 сентября 1928 года КМЦУ утвердило просьбу “двадцатки” Севастопольской церкви Вознесения о ее переподчинении к Симферопольской епархии.

Священный Синод направлял в Крым Белорусского митрополита Иосифа для устранения недоразумений между Москвой и Симферополем. Однако реакция митрополита оказалась для Синода неожиданной, он встал на позиции укрепления автономии Митрополии.

18 сентября Синод издал Указ № 3646, в котором он утвердил митрополита Иосифа председателем КМЦУ и главой Симферопольской епархии.

Однако через день, 19 сентября, Синод на основании анализа протокола Митрополитанского собора, состоявшегося в Симферополе 4 – 6 сентября, издает достаточно противоречивый Указ № 3681 со следующими замечаниями:

1. Синод отказался признать автономию Крымской Митрополии;
2. утвердил Крымскую Митрополию в составе 3-х епархий;

3. потребовал предать церковному суду архиепископа Николая за обвинения членов КМЦУ во вредительстве;
4. сделал вывод о нарастающем сепаратизме в Митрополии;
5. назначил комиссию для проведения ревизии КМЦУ.

Данный Указ Синода был рассмотрен на заседании Крымского Митрополитанского управления 26 сентября 1928 года. По каждому из пунктов управлением было принято соответствующее решение.

КМЦУ отметило, что пункт 1 Указа противоречит Указу Синода № 1295 от 1 апреля 1927 года, в котором Крымская Митрополия признавалась автономной. Поэтому митрополит Иосиф должен был присутствовать на предстоящем Пленуме Св. Синода в качестве главы Крымской Автономной Митрополии.

При рассмотрении третьего пункта КМЦУ пошло на компромисс в отношении архиепископа Николая. Оно просило Синод отложить решение о предании архиепископа суду, заменив это наказание принесением им публичного извинения перед членами КМЦУ.

В отношении 4 пункта на заседании был заявлен протест: по мнению членов КМЦУ, ни председателем собора, ни одним из выступавших на соборе не допускались даже элементы сепаратизма в отношении Синода.

Особо обострились отношения КМЦУ в сентябре 1928 года с одним из лидеров обновленческого движения страны, митрополитом Александром Введенским. Это очень хорошо видно из постановления КМЦУ о желании Синода провести ревизию Крымской Митрополии. В постановлении отмечалось: "...признать ревизию Митрополии необходимой, но предупредить Св. Синод, что после доклада митрополита Анатолия о ноябрьском Пленуме Св. Синода члены КМЦУ не считают митрополита Александра Введенского способным к соборной церковной работе и отказываются от всякого общения с ним и только с ним; всякий другой член президиума Синода будет КМЦУ принят с любовью и надлежащим уважением, как член священноначалия в СССР".⁴⁴

Синод, при посредничестве Севастопольского архиепископа Николая, активно вмешался в вопрос отстранения Митрополитанским управлением от службы в Симферопольском соборе Петра и Павла протоиерея В. Никипорчика. Архиепископ обжаловал вопрос отстранения протоиерея от службы в Синоде, который без согласования этой проблемы с КМЦУ принял решение о восстановлении Никипорчика на службе в соборе, для чего рекомендовал ввести в храм еще одну вакансию священника. В КМЦУ это решение вызвало крайне негативную реакцию, оно внесло элемент нервозности не только во взаимоотношения между Москвой и Симферополем, но и осложнило отношения Митрополитанского управления с Севастопольским архиепископом Николаем. О сложных отношениях Симферополя и Севастополя свидетельствовал тот факт, что в 1928 году, являясь заместителем председателя КМЦУ, архиепископ не посетил ни одного заседания совета. Нам не удалось найти упоминания его имени ни в одном из протоколов заседаний управления. Это говорит не только о конфронтации в отношениях двух церковных лидеров обновления Крыма, но и о том, что раскол, возникший в Митрополии и умело насаждавшийся со стороны, не удалось локализовать и после принятия собором решения об установлении мира в КМЦУ.

Решение Синода и его Указ по поводу автономии и сепаратизма в Крымской Митрополии были восприняты на полуострове очень болезненно. Митрополит Иосиф принял решение в знак протеста отказаться от поездки в Москву на Пленум Св. Синода.

Руководство Синода в жесткой форме потребовало от Митрополита явиться на заседание 1 октября 1928 года. 28 сентября состоялось экстренное объединенное заседание КМЦУ и Таврического организационного комитета, на котором был рассмотрен вопрос взаимоотношений Святейшего Синода с Крымской митрополией. Заседание приняло решение командировать на Пленум Синода члена Таврического организационного комитета мирянина Андрея Михайловича Соломенко, который от имени духовенства и мирян Крыма должен был заявить протест против нарушения Синодом решений 4-го Крымского Митрополитанского собора.

На Пленуме Синода был заслушан доклад о положении дел в Крыму. На основании решений Пленума Синод принял 5 октября 1928 года Указ № 3904 о создании комиссии в составе заведующего Административным отделом Синода митрополита Петра и члена Синода Новочеркасского архиепископа Павла для проверки деятельности митрополита Иосифа и положения дел в Крымской митрополии.⁴⁵

Сразу же после принятия этого Указа комиссия прибыла в Крым. Члены комиссии не нашли нарушений в ведении документации, однако сделали замечание, связанное с тем, что в заседаниях КМЦУ принимают участие лица, не избранные в его состав.

Замечания были высказаны комиссией и по поводу перехода под юрисдикцию Симферопольской епархии Вознесенской церкви г. Севастополя.

По рекомендации комиссии этот вопрос был рассмотрен на заседании КМЦУ 23 октября 1928 года. Заместитель председателя КМЦУ архиепископ Севастопольский Николай на этом заседании отсутствовал. При рассмотрении этого вопроса участники совещания стали допускать крайне негативные оценки деятельности архиепископа. Так, выступавший на заседании КМЦУ представитель церковного совета Вознесенской церкви назвал все предоставленные в Синод сведения о конфликте, связанном с Вознесенской церковью, лживыми. Приходской совет Вознесенской церкви принял решение о выходе из состава Севастопольской епархии из-за чрезмерного вмешательства архиепископа в его деятельность и угроз об увольнении в отношении настоятеля храма протоиерея Ковальского, которому ставилось в вину, что он не отстаивал интересы Севастопольского епархиального управления в то время, когда "двадцатка" приняла решение об уменьшении отчислений в доход архиепископа Николая. В 1928 году учредители приходского совета приняли решение о выделении архиепископу 5 рублей в месяц, вместо 11 рублей 25 копеек, которые они выплачивали ему до этого. На содержание канцелярии СЕУ приходской совет стал выделять в месяц 1 рубль вместо 3 рублей.⁴⁶ Община приняла решение освободившиеся деньги направить на нужды храма.

Нестроения в Митрополии и отношения к ней со стороны Священного Синода стали сказываться и на настроениях клира и мирян. В крымском движении "обновления" стали появляться тенденции перехода общин на позиции "староцерковников". Свидетельством тому является доклад на заседании КМЦУ настоятеля Тихвино-Богородничьей церкви г. Джанкоя протоиерея Порфирия Ковалева, который являлся одним из основате-

лей обновленческого движения на полуострове. По сообщению протоиерея, “двадцатка” собора стала отказываться выполнять многие постановления КМЦУ, постоянно угрожая переходом в “староцерковное” движение.

Сложная для движения “обновления” обстановка сложилась в Бахчисарайском районе. В КМЦУ неоднократно обращался настоятель Иоанно-Предтеченской церкви д. Бия-Салы, который в своих письмах сообщал, что “в Бахчисарайском районе “тихоновщина” свила свое гнездо. В Анастасиевской кинонии проводит службу монах Инкерманского монастыря Тихон, а в деревне Лака – монах Евтихий”. По сообщению настоятеля храма, монахи во время службы поминают имена митрополита Крутицкого Петра и Таврического архиепископа Никодима. Их деятельность привела к тому, что храм села Бия-Салы стало посещать всего лишь 10 прихожан. В заключении одного из своих посланий в КМЦУ священник писал: “... мне одному в округе, представителю Синодального течения, подчас приходится испытывать массу нравственных терзаний”.⁴⁷

В апреле 1929 года исполняющий обязанности благочинного церкви Феодосийского района протоиерей М. Битин направил в КМЦУ информацию о том, что в г. Феодосии, наряду со священниками тихоновского течения, к травле “обновленцев” подключились и представители греческой церкви, распространяя слухи, что Синодальные священники “в алтаре курят, прикуривая от лампад, танцуют в церкви и т.д.”.⁴⁸

КМЦУ сообщило об этих фактах представителю Вселенского Патриарха в СССР архимандриту Василию Димопуло.

В марте 1929 года в Феодосии КМЦУ вскрыло факт обмана благочинного М. Битина, который подал информацию о том, что ему удалось привлечь на сторону “обновления” ряд новых приходов. Вместо реального отражения сложной ситуации Синодальной церкви, благочинный существенно ее “приукрасил”. М. Битину был объявлен выговор.

20 марта 1929 года Св. Синод принял решение об открытии в г. Феодосии епископской кафедры. Претендентами на должность епархиального священника являлись: епископ Моршанский Матфей (Бережной) и архиепископ Геронтий. Ходатайство архиепископа Геронтия о предоставлении ему Керчь – Феодосийской кафедры было отклонено в КМЦУ.

4 декабря 1928 года руководство Синода, осознав проблемы раскола в Крымской епархии, пошло на снятие напряжения во взаимоотношениях между Симферополем и Севастополем. В этот день указом № 5026 Священного Синода Севастопольский архиепископ Николай (Розанов) был переведен в г. Пензу. Вместо Николая на Севастопольскую кафедру был назначен епископ Вениамин (Молчанов). До приезда епископа Митрополитанское управление поручило возглавлять Севастопольскую кафедру митрополиту Иосифу.

5 января 1929 года епископ Вениамин прибыл в Севастополь и приступил к исполнению обязанностей управляющего Севастопольской епархией.

После своего приезда в город Вениамин направил митрополиту Иосифу телеграмму, в которой он пригласил Владыку принять участие в рождественском богослужении.

В Севастополе митрополит был торжественно встречен епископом и членами СЕУ. Во время поездки митрополит совместно с епископом провел службу в Покровском соборе.⁴⁹ Благодаря этому решению Синода многолетний конфликт между Симферополем и Севастополем был устранен.

Однако к весне 1929 года властям Крыма, при “посредничестве” некоторых священников и мирян, удалось создать сложную атмосферу вокруг имени митрополита Иосифа. Осенью 1928 года у председателя КМЦУ возникли напряженные отношения с “двадцаткой” Симферопольского кафедрального собора во главе со старостой храма А. Кесарийским. Конфликт был порожден рядом причин. Начался он из-за финансовых осложнений, возникших в храме.

Прежде чем рассмотреть их суть, рассмотрим проблемы, которые предшествовали их возникновению. Финансовые трудности в храме возникли задолго до приезда в Крым митрополита Иосифа.

Храм, преобразованный ЦАУ Крыма в центральное хранилище культовых вещей, был возвращен верующим Синодального течения в сентябре 1923 года. Инициативная группа верующих, заключившая договор пользования с Симферопольским исполкомом, оказалась несколько “неудобной” и неуправляемой для руководства Таврического епархиального управления. Руководство ТЕУ не могло найти компромисса с “двадцаткой” храма по многим финансовым вопросам. В августе 1924 года Епархиальное управление попыталось снизить роль “двадцатки” собора, обратившись в ЦАУ Крыма с заявлением, в котором отмечалось, что Александро-Невский собор является достоянием всей епархии. Хозяйственная и юридическая его зависимость от совета учредителей – “двадцатки” является крайне неудобной. ТЕУ просило Центральное Административное управление внести в договор пункт о контроле Епархиального управления над советом учредителей, или же передать собор Пленуму ТЕУ.⁵⁰ Эти пожелания Епархиального управления остались на бумаге, ЦАУ отказал Епархиальному управлению, мотивируя это рядом циркуляров и положений.

В июне 1925 года состав учредителей общины существенно расширился, - ряд жителей Симферополя написали заявление о вхождении в состав “двадцатки”.

В 1926 году службу в храме проводили: 34-летний протоиерей Николай Павлович Попов; 55-летний протоиерей Дмитрий Петрович Радковский и 22-летний дьякон Евлампий Николаевич Пивоваров.⁵¹

В декабре 1927 года на должность протоиерея собора КМЦУ назначило Николая Петровича Шонгутского, переведенного в Крым из Астраханской епархии.⁵²

Совет и духовенство собора проводили достаточно активную церковную деятельность, которая позволяла ежегодно собирать достаточно большие деньги, так как прихожанами собора являлись многие жители города Симферополя. Однако руководство собора использовало их крайне неэффективно. Первые экономические проблемы в храме стали появляться весной 1926 года.

В ночь с 22 на 23 марта 1926 года в соборе была совершена кража. В храме были похищены: 3 напрестольные дарохранилища; 5 крестов; крест Голгофа; 2 занавески; черное бархатное покрывало и т.д. Всего было похищено более 40 вещей.

Кража произошла из-за того, что руководство общины решило сэкономить на содержании охраны храма.

Представители “двадцатки”, арендующей храм у государства, обратились в органы власти с просьбой о том, чтобы взамен украденного им было предоставлено имущество, хранящееся на центральном церковном складе. Ответ был отрицательным. Секретарь Симферопольского РИКа Богомолов уведомил арендаторов, что они обязаны немедленно организовать охрану имущества. В случае установления, что это условие не будет выполнено, договор с общиной будет расторгнут. Украденные вещи верующие могли восстановить, обратившись в другие церкви.⁵³

25 сентября 1926 года руководителем стола религиозных культов Симферопольского горрайисполкома А.И. Муромцевым была проведена ревизия - проверка наличия и состояния имущества Александро-Невского собора. Техническое состояние здания было признано удовлетворительным. Однако было отмечено, что в самом храме уборка производится редко (один раз в месяц), из-за чего на стенах и киотах скопилась пыль. Руководство общины, имея для этого необходимые средства, не нанимало людей для уборки собора. Немедленного ремонта требовал пол на колокольне.

Учет церковного имущества в храме не велся. В целом состояние имущества, которое было передано общине в пользование, было признано удовлетворительным. Всего в распоряжении общины было 289 вещей церковного и обиходного характера.⁵⁴

10 ноября 1926 года, на основании Правил страхования от огня, утвержденных Наркомфином РСФСР в 1922 году, община Александро-Невского собора была вынуждена оплатить за 12 месяцев пошлину от суммы в 119 570 рублей, в которую было оценено здание собора. Общине разрешили выплачивать сумму в рассрочку.⁵⁵

В месяц эта сумма составляла 76 рублей 52 копейки. В год – 918 руб. 24 коп.⁵⁶

26 января 1927 года состояние финансовой дисциплины в храме проверила ревизионная комиссия, состоявшая из священников и мирян прихода. Комиссия выявила, что с 12 июля 1925 года по 26 января 1927 года в кассу было оприходовано 8082 рубля 69 копеек. Расход составил 7540 рублей 42 копейки. Остаток составил 542 рубля 27 копеек. Основной статьей дохода была продажа свечей, просфор и тарелочный сбор. При проверке всех статей доходов и расходов оказалось, что староста храма небрежно вел учет денежных средств, в результате чего у него образовалась недостача в сумме 239 рублей 44 копейки.⁵⁷

Решением общего собрания “двадцатки” староста Н.И. Марцинюк был освобожден от занимаемой должности и обязан внести эту сумму в кассу собора.

15 октября 1927 года органы власти вновь потребовали от руководства собора уплатить в Госстрах причитающуюся сумму.

В 1927 году начался массовый выход верующих из состава участников “двадцатки”. В августе этого года из ее состава вышли Т.Г. Дронникова, Т.Г. Бородин, С.Д. Подлинный, Г.У. Палкин и Н.Д. Алтухов. В совете прихода начались склоки. В своем заявлении в совет кафедрального собора член “двадцатки” Тихон Гаврилович Бородин написал: “Прошу исключить меня из членов “двадцатки”. Причина – не нахожу нужным работать в грязи”.⁵⁸

В июле 1928 года из состава “двадцатки” вышли еще 3 человека.

В 1928 – 1929 собор оказался в запущенном состоянии. Община и духовенство храма, погрязнув в постоянных “разборках”, практически не занималась ремонтом и благоустройством огромного здания собора.

Прибывший летом 1928 года в Симферополь митрополит Иосиф Кречетович, зная о финансовых проблемах собора, отказался от братской кружки на его содержание. Однако он не мог мириться с тем состоянием, в котором как по вине общины, так и по вине духовенства собора находился главный православный храм Крыма.

Митрополит постоянно требовал от старосты Кесарийского и от священников собора наведения порядка и усиления влияния на паству. Его требования находили поддержку среди верующих прихода и осложняли отношения с “двадцаткой” учредителей.

В марте 1929 года конфликт между митрополитом и “двадцаткой” достиг своей высшей точки. Некоторые члены “двадцатки” направили в Синод заявление, в котором они обвинили митрополита в узурпации власти, отсутствии коллегиальности при решении вопросов и т.д. Органами НКВД был арестован священник храма протоиерей Попов. Вместо него “двадцатка” стала предлагать на эту должность одного из протоиереев г. Симферополя. Митрополит отказался поддержать эти требования, рассчитывая, что незаконно арестованный священник будет освобожден. Это позиция митрополита и привела к разрастанию конфликта.⁵⁹

Обострение конфликта между “двадцаткой” и митрополитом во многом было спровоцировано и поведением протоиерея собора Дмитрия Радковского, который весной 1929 года подал заявление о предоставлении ему очередного отпуска. Протоиерей не вернулся по его окончании к месту службы, не сообщив о причинах своего отсутствия. У верующих появилась информация о том, что Д. Радковский подыскал себе другое место службы за пределами Крыма. Вплоть до 15 июня 1929 года в Митрополии все надеялись на его возвращение. На заседании КМЦУ было принято решение считать с 15 июня 1929 года священническое место в кафедральном соборе вакантным.⁶⁰

Летом 1929 года, после принятия этого решения Митрополитанским управлением, в Крыму объявился протоиерей Радковский, которому, естественно, как нарушителю дисциплины, было отказано в устройстве на службу в храм. Этот повод был использован некоторыми членами совета учредителей для сведения счетов с митрополитом, на него был подготовлен политический донос. Об этом речь пойдет несколько позже.

Когда в Крыму над митрополитом стали сгущаться тучи, ему стали поступать предложения о переходе на службу в другие епархии.

В апреле 1929 года на имя митрополита Иосифа из Северо-Западного Ленинградского Митрополитанского управления поступила телеграмма, в которой ему предложили занять должность руководителя Митрополии.

В ответ на это предложение была направлена ответная телеграмма, в которой говорилось: “Перемещение Владыки причинило бы тяжелую скорбь пастве. КМЦУ не может согласиться на перевод”.⁶¹ Телеграмма была отправлена без участия митрополита.

В апреле 1929 год в Крым поступил Указ № 1804 Священного Синода о переводе митрополита Иосифа в Вятку и о назначении на должность руководителя Крымского Митрополитанского управления митрополита

Василия (Некрасова).

КМЦУ направило в Синод просьбу об отмене решения о переводе Владыки. Митрополит Иосиф также направил в Синод телеграмму, в которой он отказался покидать Крым. Еще одна телеграмма в Синод была направлена от имени верующих Крыма.⁶²

Весной к вопросу дискредитации имени митрополита в общественном мнении и снижения его авторитета среди верующих подключились крымские органы власти.

3 июля 1929 года исполнялось 100 лет со времени освящения Симферопольского кафедрального собора. КМЦУ планировало провести накануне Пленум, на котором предлагалось пригласить представителя Вселенского Патриарха в СССР Димопуло. Приглашение Димопуло было связано с необходимостью укрепления взаимоотношений с греческими храмами, действовавшими в Крыму.

14 июня 1929 года митрополит Иосиф Кречетович был вызван в ЦАУ Крыма и дал подписку о том, что организация торжественного богослужения в Симферопольском кафедральном соборе 16 июня 1929 года является незаконным съездом духовенства. Митрополит обязан был отменить богослужение.⁶³

Запрет на проведение торжественного Пленума за два дня до намеченной даты был вынесен ЦАУ умышленно. С одной стороны, в случае его проведения, это позволяло арестовать его участников, с другой, - в случае отмены, - наносило удар по авторитету главы Митрополии, который не смог договориться с органами власти о проведении этого серьезного мероприятия.

Торжественное празднование столетия со дня освящения собора было сорвано.

28 июля 1929 года состоялось общее собрание “двадцатки” кафедрального собора. Председателем собрания был избран М.А. Адзерико, секретарем – А.Ф. Кесарийский. На собрании против митрополита было выдвинуто два обвинения. Собрание обвинило митрополита в том, что он нанес собору ущерб в сумме 1000 рублей, так как в своих проповедях отказался выполнить требование общины о жертвовании верующими на ремонт и содержание храма и клира.

Собрание приняло решение о прекращении содержания митрополита.⁶⁴ Второе обвинение в отношении митрополита было явно провокационным, это было обвинение в политической неблагоденности Владыки. В постановлении собрания говорится: “митрополит Иосиф неоднократно говорил проповеди, нарушая 3 пункт договора, коим члены “двадцатки” обязаны не допускать проповедей и речей, враждебных Советской власти или ее отдельным представителям”.

КМЦУ, рассмотревшее этот вопрос на своем заседании 15 августа 1929 года, отметило, что “митрополит никогда и ничего не говорил против Советской власти или ее отдельных представителей. Адзерико и Кесарийский конкретных фактов в протоколе не представили, ибо представить не могут, ограничиваясь вместо этого голыми обвинениями, ни на чем не обоснованными и, однако, содержащими в себе тяжкий политический донос”.⁶⁵

Это определение КМЦУ верно определило поведение “двадцатки” собора. Не имея серьезных оснований для доказательства вины митрополита и истинности своих утверждений, они использовали прием политического обвинения, вернее доноса, что в дальнейшем сыграло роковую роль в жизни митрополита Иосифа.

19 августа 1929 года, по заявлению члена “двадцатки” кафедрального собора Александра Невского г. Симферополя, бывшего старосты собора Н. Марцинюка Наркомфином Крыма было описано имущество митрополита Иосифа и ключаря собора Н. Попова, якобы в погашение долгов кафедрального собора перед государством.

Н. Марцинюк был одним из тех немногих членов “двадцатки”, который выступил против женатого митрополита в первые дни назначения митрополита в Крым. Он мотивировал это тем, что содержание семьи Владыки - слишком тяжелое бремя для общины. Это вынудило митрополита отказаться от дополнительной суммы материальной поддержки.

Митрополит Иосиф и протоиерей Попов посетили финансовые органы Крыма, где изложили свою точку зрения. Минфин признал ее соответствующей действительности и издал постановление об отказе в производстве описи имущества. В Постановлении отмечалось: “1. Признать неправильным производство 19 августа 1929 года финагентом Добровольским описи имущества И.П. Кречетовича и Н.П. Попова на погашение числящейся за Александром – Невским собором недоимки по налогу со строений и таковую опись отменить.

2. Предложить Симферопольскому райфинотделу предъявить правлению общества, взявшему в аренду здание собора, в недельный срок погасить числящиеся за ним недоимки и предупредить, что при неуплате недоимок, Симферопольский финотдел в установленном порядке возбудит вопрос перед РИКом о расторжении договора и отобрании предоставленного в пользу общества здания”.⁶⁶ Постановление подписал Народный комиссар финансов Крыма Шутяев.

В сентябре 1929 года митрополит Иосиф Кречетович был арестован органами ГПУ по политическому доносу общины кафедрального собора за “антисоветскую пропаганду”.

17 сентября 1929 года на Пленуме Крымского Митрополитанского Церковного управления заведующий столом религиозных культов НКВД Б. Тавровский зачитал протокол собрания “двадцатки” кафедрального собора. По итогам работы Пленума был составлен один из самых коротких протоколов, который достаточно красноречиво отражает атмосферу общества того периода, когда ложь была основой для уничтожения миллионов людей. Духовенство Синодальной церкви писало: “Мы, пастыри и делегаты Пленума КМЦУ, прибывшие на очередной Пленум 17 сентября 1929 года и ознакомившись с протоколами “двадцатки” Александров-Невского кафедрального собора г. Симферополя от 28 июля 1929 года, с прискорбием отмечаем, что митрополит Иосиф (Кречетович) нарушил не только один из основных принципов обновленчества, но и слово Святого Апостола Павла (Посл. к Рим. гл.13.) “Всякая душа да будет покорна властям”. Поэтому делегаты Пленума с глубоким возмущением постановляют: Пленум КМЦУ считать несостоявшимся и осудить враждебную властям деятельность митрополита Иосифа. Одновременно просить сыновне обратить внимание Священного Синода на примирительное его отношение к деятельности митрополита Иосифа, которая ему (Св. Синоду) была известна. Вместе с тем, также просить сыновне обратить внимание Священного Синода на более

внимательный подбор руководителей обновленческого движения в условиях внедрения соборности и лояльности к властям.

В связи с этим прискорбным событием делегаты Пленума поручают протоиереям: о. Василию Бреневу и о. И. Федорову выразить их (делегатов) сожаление представителям Власти и заверить, что делегаты Пленума остаются по-прежнему лояльны к Советской власти и примут все меры к тому, чтобы в жизни Синодальной церкви Крыма впредь этого избежать”.⁶⁷

Мы специально приведем имена людей, близко сотрудничавших с епископом, у которых не появилось даже тени сомнения в правильности выдвинутых против него обвинений, ни одним словом не вступивших за своего Пастыря. Одна ложь породила ложь другую. Протокол подписали: епископ Севастопольский и Ялтинский Вениамин; протоиереи - К. Ильинский, П. Городецкий, Н. Битин, Л. Плохинский, И. Федоров, П. Ковалев, К. Матушевский, Ф. Сукованченко, А. Капустин, Н. Попов; архимандрит Венедикт; священники: Г. Собченко и В. Сорокин; секретарь – протоиерей В. Бренев.⁶⁸

Члены Пленума, предав главу своей Митрополии, узаконили политический донос общины кафедрального собора г. Симферополя. Расплата за предательство со стороны государства была достаточно быстрой.

На следующий день, 18 сентября 1929 года, собор посетила комиссия Симферопольского горсовета, которая осмотрела техническое состояние здания и приняла решение о необходимости проведения капитального ремонта храма, в ходе которого необходимо было провести замену паркетных полов, сделать ремонт крыши и другие работы. Акт был подписан членами “двадцатки”. Отдел коммунального хозяйства Симферопольского горсовета составил смету, общая стоимость которой составила 12 449 рублей 79 копеек. Смета была вручена старосте собора Адзерико Макару Афанасьевичу, который дал подписку о том, что ремонт будет произведен в месячный срок.⁶⁹

В 1929 году община кафедрального собора, оказалось, должна была уплатить райфинотделу 1000 руб. 74 коп. налогов со строений. Должником был и Петропавловский собор, долг его общины перед финотделом составлял 317 руб. 04 коп. Райфинотдел поставил вопрос о расторжении договоров с этими общинами перед ЦАУ как с неплательщиками налогов.

Для погашения долгов были затребованы списки всех членов “двадцатки”, начиная с 1923 года, для взимания с них причитающейся суммы. Возникновение финансовых проблем, связанных с неуплатой налогов, а также большие затраты, необходимые для ремонта оборудования, привели к тому, что 19 человек из числа “двадцатки” подали письменное заявление о выходе из ее состава.

Собор был опечатан органами власти г. Симферополя. На его двери было вывешено объявление следующего содержания: “Согласно ст. 37. Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8/IV – 29 г. доводится до сведения граждан, что вследствие отказа верующих (“двадцатки” и духовенства) от дальнейшего пользования собором Александро-Невский собор – ЗАКРЫТ.

10 декабря 1929 года”.⁷⁰

25 декабря 1929 года Президиум ЦИК Крымской АССР принял решение о ликвидации Александро-Невского собора. Все вещи собора были переданы в Госфонд НКФ Крыма.

С декабря 1929 года по сентябрь 1930 года в органы власти Крыма с просьбой о передаче храма в пользование не обращалась ни одна группа верующих.

28 марта 1930 года комиссия в составе представителей Админотдела В.М. Пашура, Союза безбожников – М.И. Попова и комхоза М.Б. Сакань составили акт о том, что они осмотрели помещения заброшенного храма и установили следующее: “Помещение бывшего собора находится в самом заброшенном состоянии, из-за того, что Симферопольский Административный отдел оставил двери не закрытыми, в помещении собора устроили ночлег беспризорники, были случаи изнасилования в нем девушек. Стекла все выбиты, оконные рамы все расхищены, доски и линолеум с пола содран и расхищен. Электропроводка и выключатели срезаны, печные приборы также вырваны... Все помещения находятся в бесхозном состоянии”.⁷¹

Судьба храма не волновала ни органы власти, ни церковь. Постепенно храм стал зияющей раной на теле города. Превращенный падшими людьми в отхожее место, он стал не только пристанищем бомжей и беспризорников, но и местом зловония и антисанитарии. Запустение душ человеческих и безразличие пастырей духовных привели к гибели этого памятника культуры и архитектуры, являвшегося в течение столетия украшением столицы Крыма.

С храма были сняты все колокола. 30 мая 1930 года КрымЦИК принял решение о ликвидации храма и передаче земельного участка под строительство панорамы “Взятие Перекопа”.

19 сентября 1930 года, в присутствии комиссии, состоявшей из протоиерея Петропавловского собора Николая Попова, протоиерея Ново-Кладбищенской Всехсвятской церкви Николая Швеца, а также представителя административного отдела Александра Бейбиенко было произведено перезахоронение 5 священников, похороненных в здании собора и на прилегающей к нему территории сквера на территорию нового городского кладбища.

В соборе были похоронены: архиепископ Гурий (Карпов † 1882 г.); архиепископ Михаил (Грибановский † 1898 г.) и митрополит Алексей (Замараев † 1927 г.). В ограде собора были похоронены протоиереи Михаил Марков и Павел Гроцкий.

При переносе праха были совершены все религиозные обряды.⁷²

В ночь с 26 на 27 сентября 1930 года храм был взорван.

В декабре 1929 года главой Крымской Митрополии становится митрополит Иерофей (Померанцев). Синодальные церкви Крыма постепенно стали приходить в упадок. Документация Митрополии ведется из рук вон плохо. После того, как был опечатан Александро-Невский собор, функции кафедрального собора переходят к собору Петра и Павла.⁷³

15 мая 1930 года Митрополит Иерофей изменил свой титул с “Таврического и Симферопольского”, на “Симферопольского и Крымского” или, кратко, “Крымского”.

В Митрополии особую роль начинают играть благочинные священники. В январе 1930 года на должности благочинных Феодосийского, Карасубазарского и Джанкойского округов были избраны М. Битин, Ф. Суко-

ванченко и П. Ковалев.

В 1930 году в связи с эпидемией кори и скарлатины ЦАУ Крыма запретило проведение службы в некоторых храмах полуострова. При похоронах умерших от этих болезней не рекомендовалось открывать гробы.

На заседании КМЦУ в адрес ЦАУ было принято обращение, в котором говорилось, что в Крыму закрываются в это время лишь Синодальные храмы, в то время когда продолжают работать школы, клубы, магазины и другие места скопления людей. Продолжали действовать в это время и храмы “староцерковного” движения. На заседании также отмечалось, что в Крыму стали облагать дополнительными налогами священников обновленческого движения. Так, протоиерей с. Сарабуз А. Капустин, уплачивавший подоходный налог в сумме 42 рубля, стал облагаться налогом в сумме 154 рубля.

Иеромонах Тавельского прихода Власий вместо налога в 9 рублей был вынужден выплачивать 15 рублей. В то же время священники “староцерковной” церкви платили по минимальным ставкам налогов.⁷⁴

Таким образом, мы можем констатировать, что в 1928 – 1929 годах движение обновления утрачивает поддержку государства, что, в свою очередь, приводит к постепенному снижению его влияния на верующих.

-
1. Государственный архив автономной республики Крым (ГААРК). – Ф.Р. 663. – Оп. 10 – Д. 1139. – Л. 79.
 2. Там же. – Д. 1139. – Л. 85.
 3. Там же. – Д. 796. – Л. 58 – 59.
 4. Севастопольский городской государственный архив (СГГА). – Ф. Р. – 420. – Оп. 1. - Д.362. – Л. 7.
 5. Катунин Ю.А. Херсонесский Владимирский монастырь / Культура народов Причерноморья. - № 6. – Январь, 1999 г. – С. 130.
 6. ГААРК. – Ф. Р. 663. – Оп. 10. – Д. 1133. – Л. 412.
 7. Там же. – Л. 415.
 8. Там же. – Д. 1139. – Л.85.
 9. Там же. – Д. 1139. – Л. 88 – 89.
 10. Там же. – Д. 1133. – Л. 633.
 11. Там же. – Л. 636.
 12. Там же. – Д. 1139. – Л. 94 – 96.
 13. Там же. – Л. 92.
 14. Там же.
 15. Там же. – Л. 111 – 114.
 16. СГГА. – Ф. Р. – 420. – Оп.1. – Д. 909. – Л. 8 – 14.
 17. См. Катунин Ю. А. – Херсонесский монастырь... - С. 130.
 18. ГААРК. – Ф. Р. - 663. – Оп. 10. – Д. 1166. – Л. 117.
 19. Там же. – Л. 71.
 20. Там же. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 486. – Л. 9.
 21. Там же.
 22. Там же. - Ф. Р. – 663. – Оп. 10. Д. 1166. – Л. 123.
 23. Там же. – Л. 124
 24. Там же. – Д. 1139. – Л. 120 – 129.
 25. Там же. – Л. 135.
 26. Там же. – Л. 135.
 27. Там же. – Л. 149.
 28. Там же. – Л. 191.
 29. Там же. – Л. 196.
 30. Там же. – Л. 205 – 207.
 31. Там же. – Л. 277.
 32. Там же.
 33. Там же.
 34. Там же. – Л. 229
 35. Там же. – Л. 232.
 36. Там же.
 37. Там же. – Л. 226.
 38. СГГА. – Ф. Р.- 420. – Оп. 1. – Д. 909. - Л. 28 – 30.
 39. ГААРК. – Ф. Р. – 663. – Оп. 10. – Д. 1139. – Л. 232.
 40. Там же. – Л. 249.
 41. Там же. – Л. 396.
 42. Там же. – Л. 398.
 43. Там же. – Л. 253.
 44. Там же. – Л. 258.
 45. Там же. – Л. 263.
 46. Там же. – Л. 267.
 47. Там же. – Л. 389.
 48. Там же. – Л. 380.
 49. Там же. – Д. 1139 – Л. 405.
 50. Там же. – Д. 837. – Л. 23.
 51. Там же. – Д. 796. – Л. 69.
 52. Там же. – Л. 101.
 53. Там же. – Д. 796. – Л. 61.

-
54. Там же. – Л. 70 – 74.
 55. Там же. – Л. 68.
 56. Там же. – Ф. Р. 663. – Оп. 10. – Д. 1729. – Л. 24.
 57. Там же. – Д. 796. - Л. 79 – 80.
 58. Там же. – Л. 96
 59. Там же. – Л. 322.
 60. Там же. – Д. 1139. – Л. 380.
 61. Там же. – Л. 336.
 62. Там же. – Л. 364.
 63. Там же. – Л. 361.
 64. Там же. - Л. 348.
 65. Там же. – Л. 348.
 66. Там же. – Л. 346.
 67. Там же. – Л. 336.
 68. Там же.
 69. Там же. – Д. 796. – Л. 160 - 163.
 70. Там же. – Д. 796. – Л. 148.
 71. Там же. – Л. 176.
 72. Там же. – Д. 1747. – Л. 672.
 73. Там же. – Л. 324.
 74. Там же. – Л. 328.